

ОТВЕЧУ сразу, ведь ответ на поверхности: чтобы были беспомощны, не могли сопротивляться, чтобы блуждали в чужой системе ценностей и идей. Начиная с перестройки, всё своё принималось за ересь и причину всех бед. За дичь и изобретение велосипеда, что, дескать, надо брать всё самое лучшее у самых лучших и самых белых, тогда и будет нам счастье. Шаг же в сторону — погибель и тьма. До сих пор пребываем в этой системе восприятия и не можем из неё выбраться.

Да, литература — это иммунная система цивилизации и энергия сопротивления, система ориентации, опознавания и самоидентификации. Если сбить настройки, если вывернуть всё наизнанку, что получится? Правильно, общество превращается в сомнамбулу, становится ведомым, внушаемым и экзальтированным. В этом состоянии ему легко можно внушить отвращение к самому себе, комплексы неполноценности и вымазать чёрным. Ну, конечно, в перестройку и позже всё это нам вдалбливали, настроив соответствующую оптику. Мы и **штагемяс дурными во внушённых мнимостях, что крайне выгодно для пролонгации перестроечного проекта дальнейшей дефрагментации страны.**

Финт был проделан элементарный: через внушение пребывания в темнице и кандалах; что всё вокруг — ложь, а видимое — обман, что всё то, чем гордились, — морок, что ценности, за которые держались, ничего не стоят, что истинное и настоящее было сокрыто преступными злоумышленниками, что свет истины — далеко. К нему надо тянуться и вынимать некритично. Вот и хлынул поток подложных словес, выморочных образов и незатейливых идей, пропитанных ядами.

Половодье, превратившееся в лопот и катастрофу отравления. А дальше была создана система шлюзов и каналов, питающая идеологию отчуждения от всего

своего, идеологию дробления истории, культуры, идеологию дефрагментации цивилизации, религиозного и национального разобщения. Мейнстримом стал известный призыв "Раздавить гадину!", где "гадина" — тысячелетняя Россия, которую планировали подменить новым культурно-историческим Франкенштейном.

Чтобы общество не понимало происходящих процессов, чтобы продолжало быть внушаемым и податливым для любых манипуляций, оккупляли литературу, подменяли её, делали орудием разложения. Она обличала, очерняла, спекулировала, переставля

ла нарастать энергия культурного сопротивления. Помните, как прилепинский Саша Тишин рвал с корнем лопухи, которыми зарос плаж его детства, изменив тот до неузнаваемости?..

Но ведь кто-то культивировал здесь этот "сад", кто-то строил на него свои планы, возлагал надежды, тратил десятилетия трудов, чтобы после мы не узнали и не опознали ничего своего. Никто не собирался сдавать позиции без боя, никто не собирался и не собирается отказываться от долгосрочного проекта изменения отечественной цивилизационной сущности, о чём декларировали,

ностью у нас запропляет именно это ведомство. Анекдот. Впрочем, печальный.

Так вот: в отчёте говорится о стабильных результатах, которые показывает книжная индустрия. Ну как стабильные... Сокращение тиражей, объёмов продаж, закрытие книжных магазинов. У последних растут издержки, снижаются продажи. За пятилетку с 2021 года они снизились на 40 процентов. Растут цены на книгу при огромном их разрыве с себестоимостью. Обещают, что и дальше будут расти. Помните, что в своё время настойчиво внушали, будто во всём цивилизо

штамповка книжного продукта быстрого приготовления, как на фабрике бройлеров. Если книга — безделушка, то отчего же не заправлять в этой сфере ИИ?..

Цифровизация и наступление искусственного, что в сфере литературы очень сильно напоминает подлог, крайне выгодно для издательской сферы, которая у нас практически монополизирована. Сокращает риски, увеличивает доходность, способствует ускорению маховика издательского конвейера и скоро сотрёт писательскую личность, статус которой низведён ниже плинтуса. Собственно, как и значение литературы в России, образ которой обретает черты уходящей натуры. Она всё больше выполняет служебные функции, становится полуфабрикатом, например, для кинематографа. В этой области применения её можно подменить чем угодно, хоть тем же ИИ. В том же отчёте кураторов книжности говорится о "глубокой интеграции с другими сегментами медиаотрасли", то есть **ловкими движениями многочисленных рук литературы из центра отечественной культуры переводится на её периферию с созданием образа второстепенного.**

Как, начиная с перестройки, меняли цивилизационную сущность России, так и подменяют литературу, которая на отечественной почве всегда была особым феноменом, отличным от западного. Оскопляют её, выворачивают наизнанку, нивелируют значение, объясняя естественными причинами. Делают общество глухим и невосприимчивым к её голосу.

А если не ведётся работа по формированию своих идей, своих образов и нарративов, что остаётся? Правильно, перенять со стороны и привить. Или произвести особый внигнет и кашу по принципу "пусть цветут все цветы", где подделка будет неотличима от настоящего.

Андрей РУДАЛЁВ

Бурляев

Витязь-просветитель

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте Завтра.ру. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве... Жизнь Николая Петровича Бурляева (р. 3 августа 1946 г.) складывается таким образом, что нетрудно предположить в ней постоянное присутствие некоего волшебного, сказочного начала. Правда, назвать эту сказку лишь доброй и светлой было бы очень большим преувеличением... Хотя всё начиналось вполне по-сказочному: школьника Колно увидел на Тверской улице (ул. Горького) в Москве молодой кинорежиссёр Андрей Михалков-Кончаловский и пригласил сняться в своём дипломном фильме "Мальчик и голубь" (1961 г.). Впрочем, за несколько лет до того на ту же кинематографическую дорожку ступил один из его старших братьев, Борис, успевший сняться в двух лентах трёхкратного лауреата Сталинской премии Виктора Эйсымонта — "Судьба барабанщика" (1955 г.) по одноимённой повести Аркадия Гайдара и "Два друга" (1954 г.) по сценарию Николая Носова, — созданных на киностудии им. М. Горького. То есть решающими здесь были, можно сказать, наследственные данные, в том числе внешние, которые впоследствии позволили уже почти сорокалетнему Николаю Петровичу блистательно сыграть не дожившего и до тридцати Лермонтова, а ещё через восемь лет — Иешуа Га-Ноцири в снятой режиссёром Юрием Карой экранизации романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" (Иисус Христос, по Евангелиям, претерпел распятие в 33 года).

Мастерство Бурляева как актёра никогда не подвергалось сомнению и с самых первых работ получило международное признание: на Венецианском кинофестивале 1962 года ленты с его участием — уже упомянутый фильм "Мальчик и голубь", а также "Иваново детство" Андрея Тарковского по повести Владимира Богомолова "Иван" — получили сразу двух "Львов"; дело было как раз между полётом Гагарина и Карибским кризисом, а ему, ставшему дважды лауреатом в городе Святого Марка, тогда только-только стукнуло шестнадцать...

И ПОЧТИ четверть века эта его светлая сказка длилась, причём не только актёрская (Бурляев до 1986 года сыграл полсотни ролей в кино- и телефильмах, хотя некоторые из них попадали под цензурные ограничения, как, например, случилось с отменой проката ленты "Мальчик и девочка" (1966 г.) и творческая (он проявил себя и в качестве режиссёра, и в качестве поэта), но и, как говорится, "по жизни". Однако на V Всесоюзном съезде кинематографистов, прошедшем в середине мая 1986 года, его лента "Лермонтов" оказалась в фокусе критики — и "цеховой", и "общеперестроечной"; заявленные Горбачёвым и К^о "демократизация" с "гласностью" быстро и умело были направлены через "окна Овертона" в русло тотального очернения и разрушения советского строя, "киношники" же оказались самыми чуткими и готовыми к такому ветру перемен ("Завтра ветер переменится, завтра, прошлому взамен..." — это как раз из кинофильма "Мэри Поппинс, до свидания!", который снимался ещё в 1983 году), а лента Николая Бурляева была выбрана в качестве мишени, удобной по целому ряду причин. Прежде всего потому, что именно от её создателя не ждали никакой "страшной мести" (известно, что Лермонтов во время дуэли с Мартыновым не стал стрелять в него, а "как это нередко случается, обстоятельства жизни экранных героев самым неожиданным образом отзываются в личной судьбе киноактёров" — цитата из фильма "Колокола Бурляева"). Но такая ненависть и травля со стороны многолетних коллег и псевдодрузей не привели к смертельному для Николая Петровича исходу: он не только смог продолжить свою творческую работу, но и в 1992 году стал организатором кинофестиваля "Золотой Витязь", постепенно переросшего в одноимённый Международный Славянский форум, который существует и поныне, получив поддержку как Московского патриархата Русской православной церкви, так и Министерства культуры Российской Федерации, став одним из постоянно действующих факторов сплочения и настоящей "кузницы кадров" для Русского Мира на основе традиционных духовно-нравственных ценностей нашей цивилизации. В этом году в Крым прошёл уже XXXV такой форум, приуроченный ко Дню славянской письменности и культуры, что, помимо всего прочего, говорит о немалых организационных талантах Николая Петровича и его умении работать с людьми.

Владимир ВИННИКОВ

Дорогой Николай Петрович! Сердечно поздравляем Вас, "золотого витязя" русской культуры, убеждённого патриота нашей страны, выдающегося отечественного актёра и кинорежиссёра, с 80-летием со дня рождения! Желаем долгих лет жизни, крепкого здоровья, неизбывных творческих сил и дальнейших свершений на благо Родины!

Редакция и читатели газеты "Завтра"

ТВОРЕЦ ДВОРЦОВ

Фёдор Шехтель в Музее архитектуры

ЕГО ОБОЖАЛИ и чествовали, а гениальность удачно соединялась с прилежанием. Ему завидовали — из-за его тесного общения с воротилами и умения потрофить их вкусам. Его люто критиковали за сервильность — мол, прислуживает купчинам да украшает виньетки их обиталища. С ним дружили первейшие интеллектуалы — он был разносторонним книгочеем, острословом и душой компании.

Антон Чехов писал ему: "Талантливейший из всех архитекторов мира! Вам, конечно, уже известно, что обстоятельства самого поганого и ерундистого свойства нежданно-негаданно погнали меня на север. Вообще мне везёт...". Обращение — суть восторга, что испытывал писатель по отношению к адресату. Кто же он? Самый популярный зодчий русского ар-нуво Фёдор Шехтель. Германских кровей — настоящее его имя Франц-Альберт — он мыслил и творил по-русски.

Являясь прославленным архитектором, Шехтель не имел специального диплома — его изгнали из Московского училища живописи, ваяния и зодчества "за плохую посещаемость", то бишь за прогулы. Будущий творец чертогов всегда учился прескверно, и даже в гимназии считался отстающим, имея двойки то по арифметике, то по латинскому языку. И это обладая природной скрупулёзностью. Увы и ах — он её проявлял там, где ему бывало интересно, и потому отличных оценок у него тоже хватало.

Шехтель слыл добряком и шалопаем. Актёр Михаил Чехов, младший брат Антона Павловича, вспоминал: "Ещё будучи совсем молодым учеником, посещавшим архитектурные классы, Шехтель часто приходил к нам в 1877 году, когда мы были особенно бедны. Стоило только нашей матери сказать, что у неё нет дров, как он и его товарищ уже приносили ей под мышками по паре здоровенных поленьев, украденных ими из чужого штабеля по пути".

Итак, в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры имени А.В. Щусева проходит выставка "Грёзы русского модерна", посвящённая Фёдору Шехтелю. Где модерн, там и грёзы и, как промолвил Валерий Брюсов: "Томно спали грёзы, / Дали тёмны были, / Сказки, тени, розы, / В ласке лени стыли". Все эти сказки-тени-розы и претворял в жизнь Фёдор Шехтель, но уже не на словах, а на деле. Архитектура Серебряного века — это двойственность и борьба противоположностей. С одной стороны, вовсю применялись новейшие технологии, совершенствовались материалы, использовались машины и автоматы. Любое здание, особенно дома богатейших небожителей — основных заказчиков Шехтеля, разрабатывались с учётом водопровода, канализации, гаража для автомобиля, абонентской точки — в те годы телефонный аппарат почитался элементом престижа. Разумеется, должно было электрическое освещение — при свечах уж не устраивалось поэтический вечер, а художники печалились, что уходит романтика полутонов. Всё — ясно и на виду. Однако у модерна имелась и другая грань — энергичное украшательство и "боязнь" чистой геометрии. Окна оплетались коваными лианами, да и сами оконные рамы обладали скруглёнными формами. Повсюду — мозаичные вставки, причудливость и стилистическая мешанина.

Обсаяж Степана Рябушинского на Малой Никитской — одно из самых известных и удачных творений Шехтеля. В экспозиции представлены чертежи, эскизы и фотографии. Строение ассиметрично и притом — подчинено золотому сечению. Плавные контуры не мешают фундаментальности. У зодчего был истинный дар к созданию устойчивых композиций. Мозаичный фриз с изображением ирисов — обязательная деталь, так как ирис — ключ-символ модерна. В этом цветке — нежная многослойность и

загадка. "И о бархатном ирисе, / Чья окраска чиста, / Песню, сердце, ты выброси / Нам скорей на уста!", — восклицал Игорь Северянин. Интерьер — мистичен, особенно лестница, походящая на оплывший воск, но при всём том — весьма крепкая. Шехтеля ценили за эти оксюмороны — вроде бы домик-шкатулочка, игра линий, а по факту — добротнейшая постройка.

В ту пору актуальным сделалось неорусское направление — ветвь нашего ар-нуво. Образы боярышень на полотнах Константина Маковского, древние шрифты в оформлении книг и афиш, теремная архитектура с её пряничной красотой — это завораживало и рождало ностальгию по неспешной старине, а кроме того, изумляло иностранцев. Прослеживалось так много сказочных выдумок, что критики именovali это "псевдорусским" течением и "нелепой модой на кокошники". Да ведь то были поиски национальной идентичности! В Восточной Европе процветала идея панславизма, транслировавшая, что славянские народы заберут факел гегемонии у ослабевшего франко-германского мира. Фёдор Шехтель, улавливающий все настроения эпохи, оказался не чужд неорусской эстетике.

Дача Левинсона — сохранившееся и поныне деревянное творение Шехтеля. Видный книгоиздатель, богач Александр Левинсон никак не сдерживал фантазию архитектора, полагаясь на его пристрастия. Так появился чудесный дом с башенкой и петушком, словно бы взятыми из сказки Александра Пушкина. На выставке можно увидеть целый ряд проектов, как воплощённых, так и оставшихся на бумаге, — чуть ли не каждый купец мечтал поселиться в допетровский терем, но с ванной и лампами Эдисона-Яблочкова.

Здание Ярославского вокзала, напоминающее волшебные чертоги, пожалуй, самое знаменитое произведение Фёдора Шехтеля в неорусской стилистике. Явлены различные варианты будущего шедевра — мастер очень долго пытался найти гармоничное созвучие функциональности и декора. Важно — избежать преизбыточной нарядности, ибо Ярославский вокзал открывал путь в Сибирь, но и ваять нечто суровое тоже не хотелось. В результате получился эффектный дворец, получивший одобрение заказчиков и самого Николая II.

Неоготика — не менее востребованное увлечение Серебряного века. Собственный особняк Шехтеля на Большой Садовой — именно в этом стиле, точнее — с его элементами. Неоготика была исключительно декоративным проявлением — никаких аркутанов и контрфорсов не мыслилось; лишь внешние атрибуты: вертикальная устремлённость, стрельчатые проёмы, витражи и круглые окна-розы с орнаментом, разделённым на "лепестки". Некоторые заказчики требовали горгулий — готескных персонажей, украшавших средневековые храмы. Также на выставке есть "готические" аскизы домашних люстр и грандиозного паникадила для церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи. Привлекает внимание кровать, спроектированная Шехтелем для особняка Зинаиды Морозовой на Спиридоновке — это не ложе, а какое-то парадное сооружение, точно перевезённое из опочивальни Изабеллы Баварской.

Ещё одна грань модерна — ориентализм, коим в ту пору воодушевлялись столь же яро, как и прохладной готикой. Путешествия на Восток, очерки о быте персиян и арабов, духи "Исфahan", "Роза Каира" и "Шахерезада", салонные картины, повествующие о гаремных страстях — сие было чем-то вроде всеобщего помешательства. Коснулось это и архитектуры. Среди экспонатов имеются наброски Шехтеля в ложномавританском стиле, да ещё — проект павильона Туркестана на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве 1923 года. Пронзительно яркие нюансы Востока — Шехтель знал толк в оттенках.

Шехтель трудился не покладая рук, и ему это доставляло радость. Он с превеликим наслаждением размышлял, рисовал, переделывал, зачёркивал начатое и устремлялся к очередным горизонтам: "Работаю я очень много, впрочем, одно это меня и удовлетворяет, и делает более или менее счастливым; я уверен, что без работы я был бы нигкуда не годен — как часы, не заводимые аккуратно и постоянно". Это — азарт, помноженный на гениальность.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ выставки обращена к Шехтелю — художнику и дизайнеру. Если бы он не стал архитектором, то с лёгкостью прославился бы как живописец или в качестве театрального декоратора. Вот — знаковый альбом Михаила Лентовского — режиссёра, антрепренёра и мецената. Сейчас о Лентовском знают лишь специалисты, а на излёте девятнадцатого века имя его гремело по всей Руси. Альбом скрывал об аллегорическом шествии "Весна красна", устроенном на Ходынском поле в рамках коронационных торжеств Александра III и Марии Фёдоровны. Режиссёром постановки и был Михаил Лентовский, тогда как оформительскую часть взял на себя молодой Фёдор Шехтель. Он придумал сказочных персонажей, костюмы и буталофорию.

Обложку альбома тоже отрисовал Шехтель. В своих "Осколках московской жизни" Антон Чехов отозвался о событии в присутей ему иронической манере: "Альбом в общем весьма недурен. Говорят, что он стряпался в Москве. Не верится, Лентовский! В Москве не состряпашь такого альбома. Лубков сколько угодно может дать белокаменная, а порядочного издания она отродясь не давала. Альбом со всех сторон русский, но дело, надо полагать, не обошлось без вмешательства западных держав. Великопелная виньетка и таковые же рисунки под-

писаны неким Ф. Шехтель. Кто сей? Знаю я всех московских художников, плохих и хороших, но про Ф. Шехтеля не слышал. Держу пари на 5 руб. (кредитными бумажками), что он иностранец. Во всяком случае, хвалю". Эк он о своём друге! Но Шехтель понимал, что это — типично милая колкость Антоши Чехонте.

Помимо этого мы наблюдаем рисунки Шехтеля — допустим, портретик дочери Веры. Несмотря на тотальную занятость и фанатический трудоголизм, архитектор умудрился обзавестись дружным семейством. Роскошно выглядят дизайнерские вещи — например, скамья-ларь для особняка Зинаиды Морозовой. Скамья оформлена скульптурной композицией, где красота сливается с безобразием — белые цветы держит чудовище, какоево если увидеть в темноте, можно и в обморок упав. Ар-нуво тяготеет к антитезам, не признавая лишь обыденности.

Серебряный век завершился революциями — они в ключа разматгали не только шик negociантов, но и представления о нужном и актуальном. Фёдор Шехтель принял ситуацию и включился в горячие планы по переустройству быта. Большие того: он занимался и общественной деятельностью, приятельствовал с Анатолием Луначарским и не собирался уходить в тень. Шехтель даже участвовал в конкурсе проектов Мавзолея и сотрудничал с Днепростроем! Так и оставался бы в строю, если бы не болезнь, которую и теперь не так уж часто излечивают. Характерно, что перед кончиной он подвёл некий итог: "Я строил всем Морозовым, Рябушинским, фон Дервизам и остался нищим. Глупо, но я чест". Действительно, Шехтель возводил, ваял, живописал не ради золота, хоть он и был им осыпан в зените славы — зодчего влекли к себе музы, а их покровительство дороже всех сокровищ мира.

Галина ИВАНКИНА